

Информация для цитирования:

Захарова В. Т. Символика природной образности в прозе русского Зарубежья (Е. Ю. Скобцова, Н. Д. Городецкая, В. А. Никифоров-Волгин) / В. Т. Захарова, И. С. Кудрявцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 207—229. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-207-229.

Zakharova, V. T., Kudryavtseva, I. S. (2024). Symbolism of Natural Imagery in Prose of Russian Émigré Writers (E. Yu. Skobtsova, N. D. Gorodetskaya, V. A. Nikiforov-Volgin). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 207-229. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-207-229. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Символика природной образности в прозе русского Зарубежья (Е. Ю. Скобцова, Н. Д. Городецкая, В. А. Никифоров-Волгин)

Захарова Виктория Трофимовна
orcid.org/0000-0001-6871-1368
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры русской
и зарубежной филологии
victoriazaharova95@gmail.com

Кудрявцева Ирина Сергеевна
orcid.org/0009-0001-0026-1046
магистрант кафедры русской
и зарубежной филологии,
*корреспондирующий автор
irinaserg.work@gmail.com

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке РФН в рамках
научного проекта № 23-28-00966,
<https://rscf.ru/project/23-28-00966/>

Symbolism of Natural Imagery in Prose of Russian Émigré Writers (E. Yu. Skobtsova, N. D. Gorodetskaya, V. A. Nikiforov-Volgin)

Viktoria T. Zakharova
orcid.org/0000-0001-6871-1368
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Philology
victoriazaharova95@gmail.com

Irina S. Kudryavtseva
orcid.org/0009-0001-0026-1046
Master's degree student, Department
of Russian and Foreign Philology,
*corresponding author
irinaserg.work@gmail.com

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00966,
<https://rscf.ru/project/23-28-00966/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется проблема символизации природной образности в онтологическом, бытийном смысле на примере творчества авторов, принадлежащих к первой волне русской литературной эмиграции. Отмечается, что в романе Е. Ю. Скобцовой «Равнина русская» создается мифологизированный образ одухотворенного пространства, вмещающий в себя экспрессивно окрашенный образ родины-матери, взывающий к детям откликнуться на всеобщую боль. В автобиографической прозе Н. Д. Городецкой в едином благодарном чувстве сходятся прошлое и настоящее: благодатное, бесценное прошлое как будто вливается в настоящее, придавая ему цельность и значительность, а в прошлом родной окружающий мир становится для писательницы главной жизненной опорой, великой онтологической ценностью. В произведениях В. А. Никифорова-Волгина в оригинальном индивидуально-авторском видении обнаруживается типологически сходная с художественным восприятием Е. Ю. Скобцовой мифологизация пространства — с акцентированием мотива сакральности последнего, выражением драматичности происходящего в годы лихолетья; с Н. Д. Городецкой писателя роднит восприятие гармоничности родного окружающего мира детской душой. Проведенный анализ убеждает, что художественное мышление Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина развивалось в типологическом русле неореалистического художественного сознания, которому был присущ многогранный синтез различных художественных начал.

Ключевые слова:

национальный пейзаж; сакральность; мифопоэтика; символика; онтологический смысл; типологическая общность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the issue of symbolization of natural imagery in an ontological, existential sense through the works of authors belonging to the first wave of Russian literary emigration. It is noted that in E. Yu. Skobtsova's novel "Russian Plain", a mythologized image of spiritualized space is created, encompassing an expressively colored image of the motherland, calling on children to respond to universal pain. In the autobiographical prose of N. D. Gorodetskaya, past and present converge in a unified sense of gratitude: the gracious, invaluable past seems to merge into the present, giving it integrity and significance, with the native surrounding world in the past becoming the writer's main life support, a great ontological value. V. A. Nikiforov-Volgin's works reveal a typologically similar mythologization of space in an original individual-authorial perception, accentuating the motif of the sacredness of the latter, expressing the drama of the years of adversity; with N. D. Gorodetskaya, the writer is united by a perception of the harmony of the native surrounding world with a child's soul. The analysis conducted convinces that the artistic thinking of E. Yu. Skobtsova, N. D. Gorodetskaya, V. A. Nikiforov-Volgin developed in a typological stream of neo-realistic artistic consciousness characterized by a multifaceted synthesis of various artistic elements.

Key words:

national landscape; sacredness; mythopoetics; symbolism; ontological meaning; typological commonality.

УДК 821.161.1+82-32

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-207-229

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Символика природной образности в прозе русского Зарубежья (Е. Ю. Скобцова, Н. Д. Городецкая, В. А. Никифоров-Волгин)

© Захарова В. Т., Кудрявцева И. С., 2024

1. Введение = Introduction

Русская проза начала XX века, ставшего эпохой Серебряного века национальной культуры, обладает яркими чертами художественной новизны, в числе которых одной из важнейших является неведомая литературе ранее активность подтекстово-ассоциативного уровня повествования. Этот уровень обладает в прозе А. Чехова, И. Бунина, М. Горького, И. Шмелева, Б. Зайцева и других авторов огромным философско-эстетическим потенциалом, позволяя выразить невыразимое, апеллируя к утонченному эмоциональному восприятию произведения и, вместе с тем, интеллектуально-углубленному.

В национальном художественном сознании всегда присутствовало чувство глубинной взаимосвязи жизни русского человека с окружающим миром. Не случайно в древнерусской литературе природа воспринималась «как Божественное творение, непостижимое разумом, как символ величия Творца» [Ужанков, 1995, с. 20]. Функции природных образов в прозе Серебряного века в целом традиционны для русской литературы, но в традиционности их заключены необычайно многогранные аспекты новизны, — в первую очередь, связанные с оригинальными попытками выражения авторской позиции. Русская проза этой эпохи внимательна к внешнему миру, окружающему человека. И чаще всего он изображается в авторском описании, казалось бы, вполне объективированном. Однако соотносимость образов внешнего мира с жизнью героев оказывается необычайно глубокой, что достигается особыми средствами выразительности, в числе которых антропоморфизм не только природы, но и всего окружающего, фиксация динамики жизни, создаваемый при этом эффект «подтекстовости» и символичности. Во многом эти свойства поэтики национальной литературы рубежа XIX—XX веков в современных научных практиках определяют концептуальное содержание понятия *неореализма* как ведущего типа худо-

жественного сознания в русской прозе Серебряного века и его дальнейшей «живой жизни» в отечественной словесности (см. об этом подробнее: [Зябрева, 2015]).

В настоящей статье мы обратимся к проблеме символизации природной образности в онтологическом, бытийном смысле на примере творчества малоизученных авторов — Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования в данной статье стали такие произведения названных выше авторов, как роман Е. Ю. Скобцовой «Равнина русская» (1924), рассказы Н. Д. Городецкой из циклов «Из жизни Кати Белосельской» (1924) и «Россия ушедшая» (1929), а также рассказы разных лет В. А. Никифорова-Волгина и его повесть «Дорожный посох» (1938).

Следует сразу же заметить, что исследование проблемы функционирования природной образности в художественном тексте, восходящей к фольклору и древнерусской письменности, имеет давнюю традицию в отечественной филологической науке (см. подробнее: [Афанасьев, 1982; Лихачев, 1979; Эпштейн, 1990; Топоров, 1995; Панченко, 2000 и др.]).

В отношении творчества Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина можно с полной уверенностью говорить, что наследие каждого из них нуждается в полномесном научном осмыслении. Современный опыт изучения содержит значимый научный потенциал, но многие грани художественного наследия этих талантливых авторов, в том числе и интересующие нас, еще недостаточно высвечены.

Из представленных нами персоналий в современной гуманитарной мысли более всего внимания уделено подвижнической жизни и творчеству Е. Ю. Скобцовой (Е. Ю. Кузьминой-Караваевой). В центре внимания, как правило, находится необыкновенный духовный путь писательницы [Кривошеина, 2015; Беневиц, 2003; Ликвинцева, 2018], а также мифопоэтический контекст ее лирики [Юрьева, 2004; Боброва, 2014]. При этом, что важно подчеркнуть, роман «Равнина русская» еще не становился объектом научного осмысления.

Знакомство с творчеством Н. Д. Городецкой, ее биографией для современного читателя стало возможным благодаря выпущенному А. М. Любомудровым в 2013 году тому произведений писательницы, которому составителем предпослан обстоятельный критико-биографический очерк [Городецкая, 2013, с. 5—26]. В 2022 году была защищена первая диссертация, посвященная исследованию творчества Н. Д. Городецкой в контексте культуры русского Зарубежья [Головина, 2022].

В настоящее время отмечается устойчивый научный интерес и к эпическому наследию В. А. Никифорова-Волгина. Современных исследователей в прозе писателя привлекают семантика художественных образов [Лапко, 2009; Сузрюкова, 2018, 2021, 2023], знаковые примеры литературных связей и влияний [Осьминина, 2015], поэтика сюжета и типология героев [Конюхова, 2021], тематическое и жанровое своеобразие [Бойко, 2021]. В ряде публикаций предлагается опыт целостного представления творческой личности В. А. Никифорова-Волгина [Бойко, 2017; Никифоров-Волгин, 2018, с. 5—20]. Вместе с тем анализ природной образности по преимуществу является одним из содержательных элементов работ, сконцентрированных на изучении феноменологии сакрального пространства в произведениях писателя [Казанцева, 2010; Видмарович, 2013]. Нет целенаправленного внимания со стороны литературоведческой науки к этому аспекту и в интересующих нас текстах Е. Ю. Скобцовой и Н. Д. Городецкой.

В типологическом соотношении творчества представленных авторов, акцентирующем значимость символики природной образности в их произведениях, заключается научная новизна исследования, опирающегося на типологический, сравнительно-исторический, историко-генетический методы исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Роль пространственной образности в романе Е. Ю. Скобцовой «Равнина русская»

Елизавета Юрьевна Скобцова (урожденная Пиленко, в дореволюционном творчестве — Кузьмина-Караваева) — одна из самых ярких представительниц русского Зарубежья как поэт и религиозный мыслитель, легендарная, поистине героическая личность XX столетия. В начале XX века она входит в круг самых известных представителей русского искусства, составивших славу своей эпохи, впоследствии названной Серебряным веком: это были А. Блок, Вяч. Иванов, А. Ахматова, Н. Гумилев и др. Она заочно оканчивает Петербургскую Духовную академию, выпускает книгу стихов «Руфь», философскую повесть «Юрали».

В эмиграции Е. Ю. Скобцова становится активнейшим участником Русского студенческого христианского движения (РСХД), заочно оканчивает в Париже Сергиевский Богословский институт. Своим духовным отцом она позднее назовет о. Сергия Булгакова, заведовавшего в этом институте кафедрой догматического богословия. В 1932 году Елизавета Юрьевна принимает монашеский постриг. Ее новым именем стало имя *Мария*, в честь святой Марии Египетской. От владыки Евлогия мать Мария получила благословение на монашество особого рода — монашество в миру.

Оно привлекало ее прежде всего возможностью безраздельно отдаться практическому, деятельному служению людям. Эмигрантский поэт Ю. Терапиано писал, что, «приняв монашество», она «с удвоенной энергией стала бороться с горем и злом в мире, не щадя себя, забывая о себе... В этом она видела особую дорогу, крест, данный ей» [Терапиано, 1994, с. 202].

Во время Второй мировой войны мать Мария помимо своей обычной подвижнической деятельности по содержанию организованных ею приютов для бедных русских эмигрантов бесстрашно спасала от смерти французских патриотов, евреев, бежавших русских военнопленных. В 1943 году она была арестована фашистами, отправлена в лагерь Равенсбрюк, где погибла в газовой камере 31 марта 1945 года за неделю до освобождения заключенных Советской Армией. По одной из версий, мать Мария отправилась в газовую камеру, заменив собой одну из заключенных. Все, что известно о ее жизни, вполне свидетельствует о правдоподобности такой версии. Знавшие ее люди утверждали: «Она чувствовала себя призванной совершить какую-то миссию, чувствовала себя брошенной в мир как некий “факел” и, действительно, была им и горела “в пустыне человеческих сердец”» [Зандер, 1955, с. 7].

Творческое наследие матери Марии в нашей стране еще недостаточно изучено. В 1920—30-е годы помимо лирики, прозы, пьес-мистерий она писала много статей по православно-философской, православно-этической проблематике.

В аспекте нашего исследования обратимся к ее роману «Равнина русская» (опубликован в 1924 году в парижском журнале «Современные записки», №№ 19, 20, переиздан в России в 2001 году). В «Современных записках» произведение было подписано псевдонимом «Юрий Данилов». Роман посвящен событиям Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Главной героиней является петербургская курсистка Катя Темносердова. Ей присуща пытливость, стремление понять происходящее, определиться со своей ролью в жизненном движении. Ее отличает умение «приподняться» над сиюминутным движением жизни, созерцательно осмыслить все вокруг: «Но эти годы, кроме знания предметов, читаемых на курсах, дали ей и другое знание, название которому она не могла подыскать. Впервые поняла она необъятную величину равнины русской. И испугалась» [Кузьмина-Караваева, 2001, с. 390].

Петербург стал казаться Кате призрачным городом. И уже на первых страницах романа появляется фантазмагорический образ, который станет в произведении лейтмотивным: «Ей казалось часто, — в окраинных переулках, где дома из сосновых досок и березы за заборами, мелькает облик старой женщины, голосащей все время. Она видела, как ветер треплет се-

дые космы. Но догнать ее нельзя. Кате чаще всего казалось, что женщина идет рядом с нею, шаркает босыми ногами по тротуару. А повернешь лицо — и нет никого» [Там же, с. 391].

Вместе с Катей главными героями романа являются ее братья Александр и Петр. Оба неожиданно появляются в Петербурге: Александр совершил побег из поселения, где отбывал наказание за революционные взгляды, с целью попасть на фронт мировой войны; Петр, боевой офицер, приехал в краткосрочный отпуск и рад помочь брату. Катя, слушая братьев, прошептала: «Новый рыцарский орден должен быть создан». На что Петр ответил: «Это все слова и слова. А мы и без рыцарских лат, а в серой шинели кое-что сделаем» [Там же, с. 400].

Показательно, что духовное единение братьев передано через тот же метафизический образ, который возник в воображении Кати: «Оба они видели черную ночь, которая нависла над бесконечной равниной русской, оба они чувствовали, как затерян в ночи этой человек, как бездомно сейчас человеку. Они оба слушали боль, разлитую в мире, и оба хотели бороться» [Там же, с. 400].

Мы не ставим здесь задачи полновесного анализа этого произведения: в рамках данного материала мы лишь выделяем доминанту текста — зримую апелляцию автора к природной образности, с помощью которой раскрываются его концептуальные идеи.

Действие романа разворачивается в различных местах: это и Петербург, и юг России, откуда родом семья Кати, и Москва, и Муром. Но всегда на жизненных поворотах перед Катей возникали динамические пространственные образы с неизменной страдающей старухой. Вот пример: «Через два дня поезд мчал ее на юг. Эта страница жизни была перевернута. Впереди... Впереди навстречу ей мчалась тяжелая колесница и в беге своем калечила людей и топтала поля. И голосила в полях изможденная старуха» [Там же, с. 414—415].

Все происходящее в стране и далее передается в различных мифологизированных природных образах, стихиях — огня, бури, наводнения: «Видно, люди не в силах были поспеть за бегом колесницы. Видно, река рвала плотины и грозила затопить своими волнами все» [Там же, с. 419]. Писательница не ставит задачу четко очерчивать социальные параллели противостоения. Хаос происходящего в ее восприятии обезличивает социальное. Добро и зло в человеке и мире — вот предмет ее раздумий, ее боли. И неоправданность происходящего всегда в тексте романа всегда измеряется обращением к образу русского пространства.

Так, брат Кати Александр в своих передвижениях по стране в Гражданскую войну вышел из поезда на одном из полустанков и осмотрелся:

«Как тиха земля вдали от жилья человеческого. Как неподвижно лежит она под синим покровом неба, древняя и неизменяющаяся.

И странным казался Александру этот вечный и древний образ земли рядом с суевой человечества, с безумными бурями последних дней, с надвигающейся, может быть совсем уже близко, гибелью» [Там же, с. 457].

А для Кати неизменно сопровождающим ее думы был все тот же образ несчастной старухи. Когда она убеждает себя в оправданности терроризма, романтически связывая его с жертвенностью, читаем: «Надо взять на свои плечи грехи и тяжести многих. Надо принять на себя ответственность за буйство пьяного солдата, за темную волну народную, за смерти несправедливые, за грядущий голод, за слезы детей, за дикий вопль всей равнины русской, которая лежит под небом распростертая, нищая, раскинула бесильные руки свои, плачет слепыми глазами, шепчет имена убитых, имена обреченных смерти своих детей» [Там же, с. 467].

К счастью, совершить теракт им с Александром не удалось, Катя во время поняла, какую страшную нравственную цену нужно заплатить за гибель людей.

В финале романа мы видим Катю-странницу. Страницами, богомолками ей предложила стать ее знакомая по московским «предтеррористическим делам» Вера Ивановна: «Катя сразу согласилась. Это казалось ей продолжением того душевного скитания, которому обрекла ее судьба». Когда они вышли за город, Вера Ивановна сказала: «Вот, голубушка, это самое хорошее». И «показала рукой на поля и пригорки, покрытые редким леском» [Там же, с. 492].

Но и на этих путях Кате везде чудился все тот же образ страдающей старухи. В предфинальных строках романа читаем: «В полях бескрайних была Катя частью России, плоть от плоти матери своей; и хотелось ей больше и больше растаять, соединиться пылью, чтобы с матерью соединиться до конца...» [Там же, с. 492].

В этом произведении писательницы ярко отразились черты ее мифологизированного мировидения, отразившегося в ее дооктябрьской лирике. Как справедливо отмечает исследовательница лирического наследия автора романа, «в сборнике “Дороги” явно ощущается мотив неприкаянности. Кузьмину-Караваеву тянуло к земле: “Я опять земная... // Долго мне чужбиною была земля... // Милым братом назову земного гада, // Каждую былинку назову сестрой” ... Хотелось породниться с самой землей: “Сестра моя, сестра моя, любимая земля” ...» [Боброва, 2014, с. 108].

Роман «Равнина русская» оставляет главную героиню именно на перепутьях равнины русской. Катя еще не определила вектор своего будущего духовного движения, не сбросила со своих плеч груз заблуждений, но главное здесь — это всегда присутствующее ей проникновенное чувство своей сопри-

частности родной земле, воспринимаемой в образе необозримой равнины русской, скитаясь по которой не находит себе места странница-старуха, воплощающая страдающую мать. Создается мифологизированный образ одухотворенного пространства, вмещающий в себя экспрессивно окрашенный образ родины-матери, взывающий к детям откликнуться на всеобщую боль.

Полагаем, это незаурядное произведение А. Ю. Скобцовой свидетельствует о неореалистическом художественном сознании писательницы в эти годы: ее тексту присущи черты символизма, экспрессионизма, мифологизации описываемого. При этом сферой авторского присутствия в произведении определено становится природная образность.

3.2. Своеобразие символизации пространственной образности в малой прозе Н. Д. Городецкой

Оригинальным индивидуально-авторским видением отличается художественное осмысление образов внешнего мира у Надежды Городецкой, русской эмигрантской писательницы первой волны.

Надежда Даниловна Городецкая была не только писательницей, но и журналистом, историком литературы, богословом. Она стала первой женщиной-профессором Ливерпульского университета, много лет руководила там кафедрой славистики.

В 2013 году А. М. Любомудровым был выпущен том избранных произведений писательницы, в предисловии к которому говорится: «Страдание человека, пережившего революцию и Гражданскую войну, лишенного и родины, и близких, стало главной философской темой ее книг. Но оно не породило ни ужаса перед роком, ни беспросветного отчаяния, ни проклятий судьбе или большевикам. Автор имеет мужество принять посланные испытания и, выстрадав, преодолеть их» [Городецкая, 2013, с. 5].

Родилась Н. Д. Городецкая в Москве, детство прошло в Тверской, затем в Новгородской губернии. Потом — Петербург, Мариинская женская гимназия. В годы Гражданской войны с потоком беженцев Надежда с матерью и сестрой передвигались на юг, и однажды в толпе беженцев она потеряла мать и сестру. Осенью 1920 года Надежда оказалась в Константинополе, как многие эмигрировавшие соотечественники, затем она отправляется в Македонию и поступает в Загребский университет, где и начинается ее литературная деятельность.

Обратимся к ее автобиографической прозе: рассказам из циклов «Россия ушедшая» и «Из жизни Кати Белосельской».

Так, рассказ «Новгород. Из далекого детства» (опубликован в 1929 году в журнале «Россия и славянство», № 42; курсив автора рассказа) состоит из ряда фрагментов. Вот один из них: «Мне вспоминается Новгород на Волхове — Великий Новгород. Осенний день. Я и подруга моя

Юля тайком выбрались из сада на городской вал. Нам лет по шести-семи. На обеих русские сарафаны, нити бус <...> Мы смотрим на рогатые, уже оббитые мальчишками ветви яблонь, свисающих через темный забор, на серенькое, низкое небо в круглых облаках, на осыпающиеся башни кремля.

Что мы знаем о русской истории? Однако любимым местом наших игр выбрали мы не цветник перед домом, не пахучий купол сирени, под которым мы вьем гнезда для кукол, а этот запертый вал и идущую к нему, всегда скользкую от цвели тропинку с подгнившей скамьей... Вал низок, скудна глинистая земля едва проросла травой.

Позже слышу я тяжелое и глукое имя Марфы Посадницы, узнаю о вече и ушкуйниках. На всю жизнь в моем представлении что-то незримо связывает этих ушкуйников с топкими дорогами лесных прогулок» [Городецкая, 2013, с. 160].

В зарисовках-воспоминаниях Городецкой обращает на себя внимание употребление настоящего времени, что создает основу для эффекта непосредственного сопереживания читателя ожившему прошлому. Но это сотворенное «настоящее» органично связано в тексте и с реальным настоящим, и с необозримой «обратной перспективой» пространства и времени прошлых эпох. Так, рядовой эпизод из детской жизни — прогулка — становится под пером писательницы бытийным звеном жизни многих поколений.

При этом в различных фрагментах рассказа обнаруживаются различные оттенки смысловой «огранки» текста: «Мы идем большой компанией в Антоньев монастырь».

Мне сказали, что вблизи Новгорода леса невелики. Но я и по сей день вижу высокие, ржавого золота, стволы сосен и сквозь их раскинутые ветви растущее вверх ярко-голубое северное небо <...>

Монастырь уже виднеется — белый, плотно огороженный, как и все в этом старом краю. Я не знаю, была ли зеленой его крыша, но чувство белого и зелени крепко *живет* во мне» [Там же, с. 161].

Спутница замечает: «Ишь, как девочка восхищается!» [Там же, с. 161]. Снова перед нами изображение (именно изображение, визуализированное, в цвете), данное в настоящем времени, и оно делает признание необыкновенно одухотворенным, жи в ы м.

Особенно значим, на наш взгляд, заключительный фрагмент рассказа: «Опять вал. Мать идет, плавно опираясь на руку отца. Сестра, завладев его тростью, вышагивает рядом. Я бегу впереди, бегу через силу, изредка останавливаясь и оглядываясь».

Сзади, над городом, уже густо темнеет, тучи стягиваются. Впереди длинно растекается закат, врезаясь сиренево-оранжевой дорогой в салатную, бирюзовеющую зелень неба.

Я знаю, что меня окликнут, заставят вернуться — и, напрягая дыхание, помогаю себе колесом вертящейся рукою, я бегу, спешу догнать солнечную полосу, захватить как можно больше этого очерченного валом мира» [Там же, с. 162].

Девочка, героиня рассказа, в своем непосредственном беге жадно вбирает в себя всю красоту окружающего, представляющегося ей особым прекрасным миром, который необходимо вобрать в себя. Трудно переоценить способность писательницы так органически выражать связь своих глубоких эмоциональных порывов с окружающим миром. В этом художественное сознание Городецкой видится близким феноменологическому мировидению Ив. Бунина как автора «Жизни Арсеньева». «Первым русским феноменологическим романом» назвал это автобиографическое повествование Ю. Мальцев [Мальцев, 1994, с. 304]. Давая свое объяснение такому жанровому определению, Мальцев не ссылается на конкретные имена. Но философские источники в его подходе просматриваются вполне определенно: феноменология, философское направление (принципы его были сформулированы в начале XX века Э. Гуссерлем), для которого характерно исключение каких-либо утверждений о бытии и достижение неразложимого единства сознания. Ю. Мальцев имеет в виду следующее: «“Жизнь Арсеньева” — это не воспоминание о жизни, а воссоздание своего восприятия жизни и переживание этого восприятия (то есть новое “восприятие восприятия”)» [Там же, с. 304]. Полагаем, художественное сознание Надежды Городецкой было схожим с подобными чертами бунинской поэтики. (Заметим, что такого рода феноменология художественного сознания была в определенной степени свойственна и Е. Ю. Скобцовой, и В. А. Никифорову-Волгину, — пример же Н. Д. Городецкой в этом плане наиболее ярок.).

Рассказ «Со дна памяти» (опубликован 6 июля 1935 года в газете «Возрождение») тоже помогает убедиться в подобном представлении. Это скорее даже не рассказ, а очерковая зарисовка. Она посвящена теме переезда, в котором, как заявляет писательница с первой фразы, «есть нечто решающее»: в один из переездов она обнаружила старый клочок бумаги со стихами:

«Я скользила ногами босыми
Ранним утром мимо реки.
Заплетала я стебли косами,
Ветру сыпала лепестки.
А потом, у нестрогих сосен,
Прилетал ко мне серафим,
И мне было пятнадцать весен
И пятнадцать румяных зим»

[Городецкая, 2013, с. 39—40].

А далее следует тонкий авторский комментарий к этим стихам: «Ну почему я тогда написала эти слова о пятнадцати зимах уже как бы издали, как бы из прошлого, точно уже стоя над собою, оглядываясь назад? ... кто поймет сияющую радость, которая меня там обнимала, защищала, уносила, точно многокрылый серафим...

Мимо реки... Это та самая извилистая мелкая речонка с мостом из двух бревен, *которая невольно вытекает из-под моего пера*, как только я начинаю описывать русскую деревню» (курсив наш. — В. З., И. К.) [Там же, с. 40].

Поразительно филигранно вычерчивает писательница параболу душевных движений героини, вызванных чтением забытых стихов. Здесь в едином благодарном чувстве сходятся прошлое и настоящее: благодатное, бесценное прошлое как будто именно вливается в настоящее, придавая ему цельность и значительность. А в прошлом — именно родной окружающий мир становится для писательницы главной жизненной опорой, великой онтологической ценностью.

Верно в этом плане наблюдение Л. Г. Головиной: «Этот процесс выявляет интересную трансформацию понятия “дом”, в значении которого эмигранты из прозы Н. Д. Городецкой употребляют именно слово “Россия” без указания конкретного города, села, усадьбы» [Головина, 2022, с. 61].

Разумеется, примеры из творчества Н. Д. Городецкой в этом плане можно умножить, но и приведенные выше, думается, явственно свидетельствуют о незаурядном мирозерцании автора, в котором роль художественного пространства выполняет уникальную роль.

3.3. Природная образность в художественном осмыслении В. А. Никифорова-Волгина

Особое художественное постижение природной образности отличает и творчество Василия Акимовича Никифорова-Волгина. Он родился 24 декабря 1900 года (по старому стилю) в Тверской губернии, а вскоре переехал вместе с семьей в Эстляндию, которая в 1918 году вошла в состав Эстонии. Так писатель стал эмигрантом поневоле. Большую часть своей жизни В. А. Никифоров-Волгин прожил в Нарве и Таллине, был редактором журнала «Полевые цветы» (1936—1938), публиковал в журналах своих произведения. Был учителем Алексея Ридигера, будущего Святейшего Патриарха Алексея II. Будучи писателем, публицистом, главным редактором газеты «Нарвский листок», Никифоров-Волгин часто обращался к православному тематике, отражал в своих произведениях картины русской до-революционной жизни и выражал драматизм разрушительных процессов национального духовного бытия в годы Гражданской войны. Расстрелян 14 декабря 1941 года.

В малой прозе писателя многочисленны природные образы и пространственные зарисовки, акцентирующие вневременную, онтологическую значимость происходящего. Отметим, что для создания отнологически значимого пространства В. А. Никифоров-Волгин использует различные сюжетные приемы. Так, при анализе рассказа «Солнце играет» хорватским профессором Н. П. Видмарович было замечено, что на хронотоп рассказов влияет сюжетная канва: «События <...> предстают именно как богоборческая хула, стремящаяся исторгнуть пространство ... из состояния обращенности к горнему миру, внепространственному и вневременному, удержать его в ограниченности здешнего бытия» [Видмарович, 2013, с. 321].

Антропоморфные образы живой и неживой природы у писателя, в первую очередь, функционируют в текстах писателя как способы выражения оригинальной авторской позиции. Так, образ ветра в одноименном рассказе «Ветер» гуляет по широкой русской равнине, по обедневшим за революционное время деревенькам, по оскверненным православным святыням, по родному городу главного героя рассказа Павла Тригорина. Ветер видел и знает все, ветер — вечен, и потому он объедает всё: «Ветер сгибал придорожные березы» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 583], «Ветер принес откуда-то запах смолистого дыма» [Там же, с. 583], «Вечерний ветер... раскачивал черный тяжелый крендель над входом в булочную» [Там же, с. 594]. И в унисон печальной истории отца Андрея «за окнами шумел ветер и гудели деревья» [Там же, с. 597].

Динамика повествования, созданная благодаря образу ветра, направлена вверх и вперед. Это сильно контрастирует с запущенностью, даже обездвиженностью пейзажа: «Проезжали мимо выжженного пожаром старого парка. На месте барского особняка с белыми колоннами чернело пепелище» [Там же, с. 586], «Мертвыми, заколоченными окнами глядели бойкие когда-то торговые ряды» [Там же, с. 594]. Фабула текста направлена назад, в прошлое, что также подчеркивает контраст с особой динамичной жизнью ветра: герой Павел Тригорин возвращается в город детства и вспоминает былые дни: «Тригорину вспомнилось, как он когда-то нарвал росистой сирени, подкрался ночью к дому и бросил букет в открытое окно её [Насти] спальни» [Там же, с. 595]. Более того, многие из хорошо знакомых Павлу Тригорину людей «...ушли в страну далече... в невечерние поля Господни» [Там же, с. 596].

Образ необъятной русской земли в этом рассказе раскрывается через восприятие героем полета птиц. Журавли, летящие «за тысячу вёрст» над Павлом Тригоринным, заставляют его «... представить себе то огромное пространство, которое должны перелететь птицы» [Там же, с. 583]. В масштабах этого огромного пространства русской равнины кажутся преходящими горести и радости маленького человека [Там же, с. 585].

Особое внимание В. А. Никифоров-Волгин уделяет христианскому смирению в жизни человека: «Старый наш дьякон ларек где-то открыл. Квасом да бубликами торгует. Отец Спиридон снял сан и служит конторщиком на бумажной фабрике. Покровская церковь, что на Сиреновой улице, в чайную превращена, а монастырь Скорбящей Богоматери — в казармы. Наш новый настоятель, отец Петр, завтра серебро с икон снимать будет и отдаст его на нужды государства, — рассказывал отец Андрей *без вздохов, без укоризны и только временами прикладывал руку к сердцу*» [Там же, с. 597].

В рассказах «детского цикла» В. А. Никифоров-Волгин проводит параллель между церковными праздниками и образами природы. В этих рассказах он подчеркнuto явно указывает на гармоничную соотнесенность православного и природного календаря. Отдельные образы, например образ яблок, на который обратим внимание и мы, исследуются в работах Е. Л. Сузрюковой Так, она отмечает, что яблоко в рассказах писателя «... символизирует единение, мир, победу над соблазном, рай, чистоту, обновление» [Сузрюкова, 2016, с. 68].

В рассказе «Яблоки» (1937) писатель описывает состояние природы в праздник Преображения Господня: «Дни лета наливались, как яблоки. К Преображению Господню они были созревшими и как бы закругленными. От земли и солнца шел прохладный яблочный дух» [Никифоров-Волгин, с. 206].

Пространственно-временная канва у Никифорова-Волгина с первых строк рассказа приобретает закругленную форму. Православная традиция покупки яблок в Успенский пост и запрета на вкушение их до Преображения, а затем освящение яблок вписывается Волгиным в календарный цикл, тем самым соединяя законы природы и законы жизни: «Грех срывать плод до времени. Дай ему, голубчику, войти в силу, напитаться росой, землёй и солнышком, дожждаться милосердного благословения на потребу человека!» [Там же, с. 207].

Такого же благословения ждут и другие дары природы: верба, березка, рожь и, по вере героя-рассказчика, даже огурцы, морковь, черника, земляника, малина, грибы... Объяснение тому автор приводит по-христиански мудрое: «Вся земля стоит на благословении Господнем» [Там же, с. 207]. Так появляется еще одна характеристика пространства, вводимая В. А. Никифоровым-Волгиным в рассказах «детского цикла», а после повторяющаяся во многих его рассказах: миропорядок существует тогда, когда пространство неотделимо от Господа.

В этом рассказе для создания точных пейзажных и натюрмортных зарисовок автор активно использует *цветопись* и *звукотпись*. Такими

красочными эпитетами (среди них есть даже неологизмы) наделяет автор яблоки, привезенные на базар: «жарко-румяные, яснозорчатые, осенецветные, багровые, златоискрые, янтарные, сизые, белые, зеленые, с красными опоясками, в веснушках, с розовинкой, золотисто-прозрачные (инда зёрнышки просвечивают), большие, как держава в руке Господа Вседержителя, и маленькие, что на рождественскую ёлку вешают...» [Там же, с. 207—208], «... и это полнозубое, весёлое, морозно-хрустящее слово “яблоки”, раскатывающееся по всему базару и улицам» [Там же, с. 211].

Восприятие солнца как созревшего яблока соединяется у героя-рассказчика с образом Великого Государя, «идущего от Светлой Заутрени». Так, в пространственно-временную канву повествования вписывается Евангелие от Матфея: «По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белы как снег» [Там же, с. 212].

На закруглённость пространства обращает внимание автор и в последних строках рассказа: «Радостно и мирно завершился солнечный, яблочно-круглый день Преображения Господня».

Образ внешнего мира в рассказе «Яблоки» связан с традиционными православными традициями, календарным циклом и Евангельским текстом. Пространство закругляется благодаря устойчивому сравнению с наливным яблоком.

Мифологизированное пространство, осмысленное как сакральное, в произведениях В. А. Никифорова-Волгина сходно в сакральном плане с изображением внешнего мира в романе матери Марии «Равнина русская». В повести В. А. Никифорова-Волгина «Дорожный посох» (1938) пространство вокруг главного героя — отца Афанасия — предупреждает о надвигающихся революционных событиях и о страшном пути мученика за веру Христову, который предстоит пройти и герою, и всему русскому народу: «Когда выйдешь в поле или в лес, то слышишь, кругом тревожный, никогда раньше не примечаемый шум» [Там же, с. 610]. Ощущение скорой беды чувствуется в знойном лете, наполненном «тревожным, словно апокалиптическим» светом» [Там же, с. 612]. Апокалиптические настроения и изменение пространства в связи с ощущением (или наступлением) конца света присутствуют у В. А. Никифорова-Волгина и в других произведениях малой прозы, в которых поднимаются такие темы, как катастрофа потерь русским человеком веры православной и забвение вековых традиций (рассказы «Солнце играет», «Антихрист», «Кошмар», «Зверь из бездны» и др.). Десакрализация общемирового пространства в повести «Дорожный посох» связана с эсхатологическими мотивами: «Я проснулся с великим

криком. Во сне привиделось мне, что Господь покидает землю...» [Там же, с. 624]. Тревожное, негостеприимное природное пространство сменяется изображением откровенного богоборчества, которое деревенская коммуна совершает по отношению к былым святыням: «... парни сбросили с колокольни большой колокол <...> Алексей Бахвалов поджег часовню при дороге. Кузьма икону Владычицы топором разрубил и в горящую печь бросил» [Там же, с. 627]. Хулению в эпоху перемен подвергся и табуированный в любой культуре топос: «... на кладбище стали гулянки устраивать» [Там же, с. 627], «... замутившиеся души сожгли наш храм» [Там же, с. 629]. Так, молчаливое проявление неуважения к русским традициям венчается весельем и смехом в церкви, на могилах умерших. Видмарович указывает, что «... смех выступает началом безумия: в него ввергается человек посредством осмеяния всего святого, что позволяет ему выпустить на волю звериное начало, которое, не сдерживаемое более никакими правилами морали и совести, выходит наружу» [Видмарович, 2013, с. 329]. Согласимся с исследователем в том определении, которым она обозначает происходящее с человеком: он выпускает на волю звериное начало. «Звериный лик человека» отмечает В. А. Никифоров-Волгин, когда описывает следователя с ясными голубыми глазами, вначале показавшимися прекрасными, но при более внимательном взгляде отливающими «страшной, словно застеклившейся синевой» [Никифоров-Волгин, 2018 с. 645]. И, несмотря на это, герой отец Афанасий противостоит звериной маске человека: «... чем глубже носишь в себе образ Христа и вооружаешься смирением, тем скорее осветишь звериный мир человека» [Там же, с. 649].

Значима в связи с этим следующая закономерность — вытеснение христианских служб из церквей в глухие пещеры, которые позволяют читателю вспомнить о том, как спасались первые христиане. Дом Божий был в повести «Дорожный посох» перенесен сперва в охотничий теремок, затем в боковушку дома сапожника, а после — в глухую лесную пещеру: «Будущая церковь наша сокрыта черными вековыми елями — лучшего места не найти!» [Там же, с. 636]. Здесь В. А. Никифоров-Волгин исторически точно воспроизводит реалии лихолетья: только сильный духом человек может устоять. Е. Н. Трубецкой, религиозный философ конца XIX — начала XX веков, рассуждая о бескрайнем равнинном пространстве как основе русского национального менталитета, отмечал, что единственная возвышенность, которую терпит русская равнина, есть человеческий дух: «На нашей равнине это — та единственная возвышенность, которую смерть доселе не смогла сровнять с землею» [Трубецкой, 1994, с. 310].

Десакрализованное пространство в тексте повести освещает Божественное чудо: оказавшуюся в опасности чудотворную икону Божией Ма-

тери удалось спасти. Силы природы благоволят христианам, старые деревья в снегу, сам снег, заметающий следы христиан, словно направляются Чьей-то невидимой рукой: «На наше счастье, Владычица засыпала землю снегом. В городе ни одного фонарика, ни голосов, ни собачьего лая». И особенно чудесно в эпизоде спасения иконы следующее сравнение: «Так тихо, словно земля душу свою Богу отдала» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 640].

Пространство у Волгина всегда освящает образ Богородицы. Упоминание метафоричного названия паутины — «пряжа Богородицы» — влечет за собой многочисленные красочные названия Богородичных икон, появившиеся в памяти героя. Священник Афанасий убежден: «Надо иметь невместимую душу, ширше облака (изъясняясь словами акафиста), упоённую и творящую душу, чтобы все это выразить» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 664—667]. Более того, автор отмечает поэтический дар народа, который смог придумать столь благозвучные названия для простых вещей. Значимость обращения автора к фольклорным мотивам для создания особого типа пространства в рассказе «Заутреня святителей» отмечена И. А. Казанцевой: «... фольклорный источник становится основой сюжета, мотив святости русской земли усилен за счет упоминания легендарного града Китежа» [Казанцева, 2010, с. 107].

В повести «Дорожный посох» обезбоженное лихолетьем пространство раз за разом освещается светлым Ликом Господа. Для того чтобы подчеркнуть это, В. А. Никифоров-Волгин использует образы живой и неживой природы, вводит поэтические названия, данные русским народом земле, деревьям, метели, паутине и др.

Итак, природная образность в осмыслении В. А. Никифорова-Волгина приобретает метафизическое значение. В рассказе «Ветер» образ ветра символизирует вечное, а потому происходящее вокруг Павла Тригорина при всей драматичности воспринимается как нечто преходящее. Мысль о вневременной значимости христианского смирения становится в подтексте благодаря этому фону более полнозвучной. В рассказе «Яблоки» писатель осмысляет православные традиции, связанные с фольклорным календарно-обрядовым циклом. Следование традициям создает гармоничный образ пространства, окружающего ребенка-рассказчика. Эти рассказы типологически близки рассмотренным выше произведениям Н. Д. Городецкой, посвященным детству. В повести В. А. Никифорова-Волгина «Дорожный посох» многомерно изображен процесс десакрализации окружающего пространства. В этом произведении образ матушки-земли сходен с трагическим образом русской равнины в романе Е. Ю. Скобцовой (матери Марии).

Полагаем, приведенные нами примеры помогают убедиться, насколько важной в художественном сознании В. А. Никифорова-Волгина была подтекстово-ассоциативная сфера, символизация образа окружающего мира.

Следует согласиться с мнением А. М. Любоумудрова, что и сегодня, в России XXI века, «книги Никифорова-Волгина — как глоток чистой воды. Его светозарное слово лечит душу, наполняет ее живительным светом и дарит надежду» [Любоумудров, 2018, с. 20].

4. Заключение = Conclusions

Думается, рассмотренные нами примеры творчества Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина убедительно иллюстрируют высказанное в свое время академиком Д. С. Лихачевым убеждение: «Страна — это единство народа, природы и культуры <...> Воспитывает не только историческая память в своем городе и в своем селе — воспитывает человека его страна в ее целом.., люди живут не только в своем “пункте”, но во всей стране и не своим веком только, но всеми столетиями своей истории» [Лихачев, 1998, с. 501].

Для писателей русской эмиграции такие представления были органичны, и именно благодаря им даже произведения малых жанров становились онтологически укрупненными, приобретали функцию связующих звеньев в неразрывной цепи национальной культурной памяти. Несомненно, что творчество данных авторов углубляет представления о пасхальности русской словесности, многомерно исследованной И. А. Есауловым [Есаулов, 2004]. В их текстах просматривается «именно “память” пасхального архетипа», о которой пишет ученый [Там же, с. 4].

Проведенный анализ убеждает, что художественное мышление Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина развивалось в типологическом русле неореалистического художественного сознания, которому был присущ многогранный синтез различных художественных начал, в нем важную роль играла символизация природной образности, мифопоэтическое в восприятии национального пейзажа, глубинное постижение его сакрального характера. В прозе Е. Ю. Скобцовой поражает воображение читателя способность мифологически-экспрессивно представить сокровенное: образ страдающей матери-родины, страдающей всей равнины русской. В малой прозе Н. Д. Городецкой индивидуально-личностное восприятие родины предстает в феноменологической слитности прошлого и настоящего, в котором вечно живые картины ушедшего родного мира не просто оказываются биографическими воспоминаниями, но становятся для читателя векторами памя-

ти о родине, — самыми главными, историческими, аксиологическими, необходимыми для всех. В произведениях В. А. Никифорова-Волгина в оригинальном индивидуально-авторском видении обнаруживается типологически сходная с художественным восприятием Е. Ю. Скобцовой мифологизация пространства — с акцентированием мотива сакральности последнего, выражением драматичности происходящего в годы лихолетья. С Н. Д. Городецкой писателя роднит восприятие целебной гармоничности родного окружающего мира ребенком.

Полагаем, дальнейшие исследования данной проблематики могут быть весьма перспективными.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни / А. Н. Афанасьев. — Москва : Современник, 1982. — 464 с.
2. *Боброва Е. В.* Дооктябрьское творчество Е. Ю. Кузьминой-Караваевой : мифопоэтический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Боброва. — Нижний Новгород, 2014. — 232 с.
3. *Бойко С. С.* Василий Никифоров-Волгин — русский писатель из эстонской Нарвы / С. С. Бойко // Вопросы литературы. — 2017. — № 2. — С. 246—261.
4. *Бойко С. С.* Книги для бессмертных. Геоцентрическая проза православных писателей XX—XXI вв. : [монография] / С. С. Бойко. — Москва : РГГУ, 2021. — 345 с. — ISBN 978-5-7281-2951-6.
5. *Видмарович Н. П.* Образ пасхального пространства в рассказах В. Никифорова-Волгина и А. Солженицына : к проблеме трансформации / Н. Видмарович // Духовная традиция в русской литературе : сб. научных статей. — Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2013. — С. 321—340. — ISBN 978-5-4312-0229-2.
6. *Викторова Т. А.* «Неузнанной еще вернусь я к вам» : судьба поэзии матери Марии в постсоветской России и во Франции / Т. А. Викторова // Studia Litterarum. — 2018. — Т. 3. — № 2. — С. 196—229. — DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-196-229.
7. *Головина Л. Г.* Творчество Н. Д. Городецкой в литературном контексте русского зарубежья : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Л. Г. Головина. — Курск, 2022. — 195 с.
8. *Городецкая Н. Д.* Остров одиночества : роман, рассказы, очерки, письма / Н. Д. Городецкая ; [сост. : А. М. Любомудров] ; Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом) Российской Акад. наук. — Санкт-Петербург : Росток, 2013. — 844 с. — ISBN 978-5-94668-136-0.
9. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 560 с. — ISBN 5-7396-0073-1.
10. *Зандер В. А.* Мать Мария (Скобцова) (К 10-летию с даты смерти 31 марта 1945 г.) / В. А. Зандер // Вестник РСХД. — 1955. — № 36. — С. 3—7.
11. *Зябрева Г. А.* Еще к вопросу о русском неореализме / Г. А. Зябрева // Вопросы русской литературы. — 2015. — № 2 (32). — С. 180—187.

12. *Казанцева И. А.* Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина / И. А. Казанцева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2010. — № 1—2. — С. 107—111.
13. *Конюхова А. С.* Творчество В. А. Никифорова-Волгина : поэтика сюжета и типология героев : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. С. Конюхова. — Воронеж, 2021. — 201 с.
14. *Кривошеина К. И.* Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней / К. И. Кривошеина. — Москва : Эксмо, 2015. — 691 с. — ISBN 978-5-699-69950-6.
15. *Беневич Г. И.* Мать Мария. Духовная биография и творчество / Г. И. Беневич. — Санкт-Петербург : Высшая религиозно-философская школа, 2003. — 322 с.
16. *Ликвинцева Н. В.* Мать Мария (Скобцова), 1891—1945 / Н. В. Ликвинцева. — Москва : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. — 120 с. — ISBN 978-5-98854065-6.
17. *Кузьмина-Караваева Е. Ю.* Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Худож. и автобиограф. проза. Письма / Е. Ю. Кузьмина-Караваева (Мать Мария); [Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Н. Шустов]. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001. — 765 с. — ISBN 5-210-01541-6.
18. *Лапко О.* Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. Лапко. — Москва, 2009. — 18 с.
19. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — 3-е изд., доп. — Москва : Наука, 1979. — 352 с.
20. *Лихачев Д. С.* Избранное. Великое наследие: Классич. произведения лит. Древ. Руси ; Заметки о русском / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург : Logos, 1997. — 537 с. — ISBN 5-87288-149-5.
21. *Мальцев Ю.* Бунин / Ю. Мальцев. — Frankfurt a. M. ; Moskau : Посев, 1994. — 432 с. — ISBN 5-85824-007-0.
22. *Никифоров-Волгин В. А.* Светлая Заутреня : Сборник прозы / В. А. Никифоров-Волгин ; вступ. ст. А. М. Любомудрова. — Москва : Сибирская Благовонница, 2018. — 717 с. — ISBN 978-5-906911-76-6.
23. *Осьминина Е. А.* И. С. Шмелев и В. А. Никифоров-Волгин / Е. А. Осьминина // И. С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство) : сб. статей. — Москва : ИМЛИ РАН, 2015. — С. 382—394. — ISBN 978-5-9208-0464-8.
24. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре / А. М. Панченко. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 464 с. — ISBN 5-267-00274-7.
25. *Сузрюкова Е. Л.* Образ матери в произведениях В. А. Никифорова-Волгина / Е. Л. Сузрюкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2021. — № 4. — С. 79—83.
26. *Сузрюкова Е. Л.* Образ Христа в книге В. А. Никифорова-Волгина «Земля-именинница» / Е. Л. Сузрюкова // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2018. — № 2 (14). — С. 17.
27. *Сузрюкова Е. Л.* Образ юродивого в рассказах В. А. Никифорова-Волгина / Е. Л. Сузрюкова // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — № 2 (21). — С. 258—273. — DOI: 10.15393/j9.art.2023.12302.
28. *Сузрюкова Е. Л.* Символическое значение образов яблока и яблони в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство» / Е. Л. Сузрюкова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 5—5. — С. 66—68.

29. *Терапиано Ю.* Мать Мария / Ю. Терапиано // Дальние берега : портреты писателей эмиграции : мемуары / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. — Москва : Республика, 1994. — С. 200—203. — ISBN 5-250-02304-6.

30. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс, 1995. — 621 с. — ISBN 5-01-003942-7.

31. *Трубецкой Е. Н.* Два зверя / Е. Н. Трубецкой. — Москва : Республика, 1994. — 431 с. — ISBN 5-250-02428-9.

32. *Ужанков А. Н.* Эволюция пейзажа в русской литературе XI — первой трети XVIII вв. / А. Н. Ужанков // Древнерусская литература. Изображение природы и человека : коллективная монография. — Москва : Наследие, 1995. — С. 19—89. — ISBN 5-86562-014-2.

33. *Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник Вселенной...» / М. Н. Эпштейн. — Москва : Высшая школа, 1990. — 303 с. — ISBN 5-06-001588-2.

34. *Юрьева М. В.* Поэтическое творчество Е. Ю. Кузьминой-Караваевой : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Юрьева. — Таганрог, 2004. — 19 с.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2024,
одобрена после рецензирования 12.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.*

References

- Afanashev, A. N. (1982). *The tree of life*. Moscow: Sovremennik. 464 p. (In Russ.).
- Benevich, G. I. (2003). *Mother Maria. Spiritual biography and creativity*. St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School. 322 p. (In Russ.).
- Bobrova, E. V. (2014). *Pre-October creativity of E. Y. Kuzmina-Karavaeva: mythopoeic aspect*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 232 p. (In Russ.).
- Boyko, S. S. (2021). *Books for immortals. Theocentric prose of Orthodox writers of the XX—XXI centuries: [monograph]*. Moscow: RSUH. 345 p. ISBN 978-5-7281-2951-6. (In Russ.).
- Boyko, S. S. (2017). Vasily Nikiforov-Volgin is a Russian writer from Estonian Narva. *Questions of literature*, 2: 246—261. (In Russ.).
- Epstein, M. N. (1990). “Nature, the world, the hiding place of the Universe ...” Moscow: Higher School. 303 p. ISBN 5-06-001588-2. (In Russ.).
- Golovina, L. G. (2022). *The work of N. D. Gorodetskaya in the literary context of the Russian abroad*. PhD Diss. Kursk. 195 p. (In Russ.).
- Gorodetskaya, N. D. (2013). *Island of solitude: novel, short stories, essays, letters*. St. Petersburg: Rostock. 844 p. ISBN 978-5-94668-136-0. (In Russ.).
- Kazantseva, I. A. (2010). Reflection of the sacred space in the works of V. A. Nikiforov-Volgin and V. N. Krupin. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities*, 1—2: 107—111. (In Russ.).
- Konyukhova, A. S. (2021). *Creativity of V. A. Nikiforov-Volgin: poetics of the plot and typology of heroes*. PhD Diss. Voronezh. 201 p. (In Russ.).
- Krivosheina, K. I. (2015). *Mother Maria (Skobtsova). The Saint of our days*. Moscow: Eksmo. 691 p. ISBN 978-5-699-69950-6. (In Russ.).

- Kuzmina-Karavaeva, E. Y. (2001). *Russian Plain: Poems and poems. Mystery plays. The artist. and autobiographical prose. Letters*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. 765 p. ISBN 5-210-01541-6. (In Russ.).
- Lapko, O. (2009). *The artistic embodiment of mentoring in Russian prose of the 1920s—1930s*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1997). *Favorites. The Great Legacy: Classic. works of lit. The tree. Rus; Notes on Russian*. St. Petersburg: Logos. 537 p. ISBN 5-87288-149-5. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of ancient Russian literature. 3rd ed., supplement*. Moscow: Nauka. 352 p. (In Russ.).
- Likvintseva, N. V. (2018). *Mother Maria (Skobitsova), 1891—1945*. Moscow: Solzhenitsyn House of Russian Abroad. 120 p. ISBN 978-5-98854065-6. (In Russ.).
- Maltsev, Yu. (1994). *Bunin*. Frankfurt A.M.; Moskau: Sowing. 432 p. ISBN 5-85824-007-0. (In Russ.).
- Nikiforov-Volgin, V. A. (2018). *Bright Matins: A collection of prose*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonnitsa. 717 p. ISBN 978-5-906911-76-6. (In Russ.).
- Osmnina, E. A. (2015). I. S. Shmelev and V. A. Nikiforov-Volgin. In: *I. S. Shmelev and problems of national identity (traditions and innovation): collection of articles*. Moscow: IMLI RAS. 382—394. ISBN 978-5-9208-0464-8. (In Russ.).
- Panchenko, A. M. (2000). *On Russian history and culture*. St. Petersburg: Azbuka. 464 p. ISBN 5-267-00274-7. (In Russ.).
- Suzryukova, E. L. (2018). The image of Christ in the book by V. A. Nikiforov-Volgin “The Earth is the birthday girl”. *Scientific notes of the Novgorod State University*, 2 (14): S. 17. (In Russ.).
- Suzryukova, E. L. (2023). The image of the fool in the stories of V. A. Nikiforov-Volgin. *Problems of historical poetics*, 2 (21): 258—273. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12302. (In Russ.).
- Suzryukova, E. L. (2021). The image of the mother in the works of V. A. Nikiforov-Volgin. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 4: 79—83. (In Russ.).
- Suzryukova, E. L. (2016). The symbolic meaning of images of an apple and an apple tree in the cycle of short stories by V. A. Nikiforov-Volgin “Childhood”. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 5—5: 66—68. (In Russ.).
- Therapiano, Yu. (1994). Mother Maria. In: *Distant shores: portraits of emigration writers: memoirs*. Moscow: Republic. 200—203. ISBN 5-250-02304-6. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Myth. The ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoetic: favorites*. Moscow: Progress. 621 p. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
- Trubetskoy, E. N. (1994). *Two beasts*. Moscow: Republic. 431 p. ISBN 5-250-02428-9. (In Russ.).
- Uzhankov, A. N. (1995). The evolution of landscape in Russian literature of the XI — first third of the XVIII centuries. In: *Ancient Russian literature. The image of nature and man: a collective monograph*. Moscow: Heritage. 19—89. ISBN 5-86562-014-2. (In Russ.).
- Vidmarovich, N. P. (2013). The image of the Easter space in the stories of V. Nikiforov-Volgin and A. Solzhenitsyn: on the problem of transformation. In: *Spiritual tradition in Russian literature: collection of scientific articles*. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 321—340. ISBN 978-5-4312-0229-2. (In Russ.).
- Viktorova, T. A. (2018). “I will return to you unrecognized”: the fate of Mother Mary’s poetry in post-Soviet Russia and in France. *Studia Litterarum*, 3 (2): 196—229. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-196-229. (In Russ.).

- Yesaulov, I. A. (2004). *Paschality of Russian literature*. Moscow: Krug. 560 p. ISBN 5-7396-0073-1. (In Russ.).
- Yuryeva, M. V. (2004). *Poetic creativity of E. Y. Kuzmina-Karavaeva*. Author's abstract of PhD Diss. Taganrog. 19 p. (In Russ.).
- Zander, V. A. (1955). Mother Maria (Skobtsova) (To the 10th anniversary of her death on March 31, 1945). *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 36: 3—7. (In Russ.).
- Zyabreva, G. A. (2015). More on the question of Russian neorealism. *Questions of Russian literature*, 2 (32): 180—187. (In Russ.).

*The article was submitted 10.03.2024;
approved after reviewing 12.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*